

Цви Владимирович Найсберг
*Грустные размышления
об ушедшей эпохе*

Цви Найсберг

**Грустные размышления
об ушедшей эпохе**

«Издательские решения»

Найсберг Ц. В.

Грустные размышления об ушедшей эпохе / Ц. В. Найсберг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963701-7

Книга посвящается светлой памяти Василия Гроссмана, чье великое мужество послужило автору весьма и весьма вполне так достойным примером. Автор выражает особую благодарность Владимиру Колычеву — лучшему своему учителю великого и могучего русского языка.

ISBN 978-5-44-963701-7

© Найсберг Ц. В.
© Издательские решения

Грустные размышления об ушедшей эпохе

Цви Владимирович Найсберг

«А между тем замечено, что хорошую вещь можно написать только в обстреливаемом отеле».

Братья А. Б. Стругацкие «Хищные вещи века».

«Потому что в истории мира не было более отвратительного государства, – сказал Кеттисеф».

Братья А. Б. Стругацкие. «Обитаемый Остров».

«Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми».

Н. Макиавелли

© Цви Владимирович Найсберг, 2019

ISBN 978-5-4496-3701-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С той до чего только весьма многозначительно большою, да и исключительно вполне вот искренней охотой, буквально сиюминутно сглатывая слюну, беспрестанно и бесцельно чмокая губами, так и тянясь ко всему в этом мире восторженно-небесно распрекрасному...

А потому и со всей исключительно уж сладострастной задушевностью, так и уплетая плоды чужого и непомерно огромного творческого труда, да и до чего весело при этом отсчитывая пульс нового времени, в тот весьма доселе суровый мир европейской мысли более чем беспардонно вторглись немислимо благодущные, праздные мечтатели...

То есть, в его просторнейшие пенаты столь бесцельно и бесцеремонно проникли безбожно-отчаянные речистые зачинатели самого безотлагательно спешного воплощения всех тех и впрямь-то «всеблагих грядущих светлых времен».

Поскольку никак оно не иначе, а именно их всемогущего приближения к скудным реалиям донельзя так промозглой действительности столь и вправду долго и сладострастно ожидала эпоха, попросту замершая в радостном предвкушении самого достойного применения к житейской практике всевозможных и всяческих ослепительно светлых идей.

А главное, та на редкость смешанная и на весь свой внешний вид довольно-то смешная (если бы, то не было столь всеобъемлюще грустно) исключительно разношерстная толпа тех беспричинно восторженных личностей и впрямь обмерла, разом сопрев в самом глубокомысленном ожидании неких блаженно-сказочно грядущих перемен в более чем извечно несладкой общественной жизни.

И это именно они во имя безумно-яростно иступленного ускорения их самого неминуемого грядущего прихода до чего справно примерили на самих себя все то всеблагодное и до чего изрядно нарядное и, надо бы сразу заметить, самое что ни на есть маскаратно-опереточное мировоззрение.

Оно было сплошь пропитано приторно сладкими надеждами на авось, что и было затем до чего помпезно и благообразно наспех-то вскоре отображено на белой бумаге разного рода, как правило, довольно-таки безбедно живущими мыслителями, сколь зачастую рассуждающими о всеобщей судьбе людской, используя для этого свой собственный указательный палец.

Они и впрямь в чудовищном иступлении до чего только яростно втыкали его в те ужотные для них совершенно пустые небеса.

А потому и нет и не будет ничего, что было бы более верным, нежели чем попросту разом прозвать всех этих оседлавших «безумных парнасов» мечтателей отчаянно ретивой когортой, чьи представители всегда ведь были готовы брести по перистым облакам к их главной где-то отдаленно маячившей на самой линии горизонта блистательно очаровательной цели.

...той-то самой бесконечно радостной эпохе до чего и впрямь незамедлительных, а главное, еще и невероятно благих свершений.

Да только действительно внятных и вовсе-то никак не голословных принципов, более чем однозначно всецело необходимых для самого безукоризненно житейского осуществления неисчислимо различных и, безусловно-то, довольно полезных обществу преобразований, никто ведь из них еще отродясь никак не имел.

А потому во имя доподлинного духа настоящей правды все же более чем определенно потребуется назвать это явление именно так, как оно того давно уж вполне полноценно заслуживает.

Вся эта озверело и осатанело опьяневшая от духа новоявленной свободы либерально настроенная братия, столь и впрямь некогда до чего разнузданно воцарилась посреди совершенно несусветного бедлама всех-то тех новоявленных «мыслей-миражей».

Ну, а неистовствующе негодующая орда бравых экстремистов довольно быстро весь их духовный настой всецело уж явно приспособила под все свои изувеские личные нужды.

И это именно в связи с восторженными дифирамбами лучшей жизни вся в стране власть, в конце концов, безнадежно затем уплыла в руки до чего криворуких революционных ханжей и хамов.

Поскольку – это они и оказались во всем наиболее приспособлены к самой так конкретной реализации всех тех блекло-светлых радужных надежд на чье-либо мнимо лучшее бытие.

Вот только разве, что оказалось оно в своем конечном итоге только лишь чьим-то личным и вовсе так нисколько не праведным.

Все те фальшивые и крикливые воззвания остались только в языке лозунгов, а вся жизнь тогда стала вконец скудной, нищей и печальной.

Ну, а все свои настоящие истоки вся эта столь беспрестанно льющаяся и льющаяся из довольно-то многих лживых уст демагогия, несомненно, брала из всех тех яростных эквивалентов в сторону совершенно немилосердных книжных истин...

А ими был попросту всецело пропитан воздух той еще дореволюционной империи...

Поскольку все уж тогда начиналось и зачиналось исключительно титаническими (в духовном смысле) усилиями просвещенной и весьма пресыщенной знаниями прозападно настроенной интеллигенции.

Несомненно, именно она тогда и вознамерилась бесшабашной, неистовой силой обязательно сразу же расколоть, а не обдуманно и по возможности неспешно растопить, весь тот вековой лед, нисколько так на скорую руку в лучшую сторону (в своей внутренней, не наружной сущности), и близко неизменяемых... всех тех долгими веками устоявшихся собственнических общественных взаимоотношений.

Эта самая как струна натянутая молодцеватая холодность промеж извечно обирающей народ до нитки властью и обложенным оброком наивности и беспросветного невежества простым российским людям на самом-то деле имела более чем глубочайшие исторические корни, и никому ведь с ними было на раз нисколько так вовсе не совладать.

Однако кое-кто задолго до всех тех тифозного духа революций, собственно, и занялся до чего старательными поисками наиболее надежного способа как бы это взять да перевернуть общественную пирамиду эдаким довольно мудреным путем, дабы все само собой стало именно таковым, каковым ему и положено было быть еще от века, и никаких гвоздей.

А самым насущным поводом к подобного рода весьма так скороспелому подходу по сколь тщательно, но исключительно теоретически верно выверенному изменению всей общественной жизни, послужило, собственно, именно то, что художественные книги для человека, постепенно переставшего обращать буквально всякое свое внимание на все те объективно существующие вне его восторженного мировоззрения обыденные реалии...

Неизбежно-то в сущности все это еще, со временем окажется именно тем, чем довольно-таки уж быстро станут профессиональные учебники для будущего хирурга, отказавшегося от «глупой и бессмысленной» физической практики ради пустого и бессмысленного теоретизирования, но зато сразу на деле готового пустить кровь, напроць с ходу отсечь все гнилое, ненужное и омертвевшее...

Мягкие души всех этих сколь ведь сладостно позевывающих доброхотов, сталкиваясь со всем в этом мире однозначно так более чем настороженно казенным, а иногда и того только хуже, еще, и отчаянно свирепым, «вздорным» неприятием буквально-то всех их гуманнейших намерений, быстро затем и легко приобретали самую доподлинную каменную твердость и холодность.

И уж в дальнейшем они вполне еще явственно станут на весьма неприглядный путь сущей войны со всем общественным организмом, который надо бы то признать, и впрямь был до чего только явно некогда отягощен сущими веригами многовекового бесправия и произвола.

И был он, кстати, до чего беспредельно могуч, да только никак этак недалек, а главное, того он даже и не на йоту нисколько не осознавал...

...а именно собственно уж как раз того, что его главный козырь «стращать и не пущать» не только донельзя устарел, но еще и послужит кузнечными мехами, сколь беспечно раздувающими всегда ведь едва тлеющие угли безмерно ужасающего многие души беспросветно массового политического террора.

И стал он тем более значительным и весомым орудием в деле расшатывания царского трона, поскольку еще уж изначально во главу угла тогда ставилась вовсе не лютая ненависть, а как раз-таки то самое лишь неизменно явно грядущее и всеобъемлющее всеобщее счастье.

С другой стороны, нисколько вот нет никакого существенного повода исключительно уж идеализировать прежнее благое время...

Поскольку буквально во всем, что было тем или иным образом касалось диких несчастий, то самое «БЛАГОСЛОВЕННОЕ» царское время вовсе-то нисколько так совсем не скупилось на всякие события и безумно мрачные происшествия.

Ну, а из всего этого следует, что совсем уж незачем столь безостановочно плакать о том, что прежде всего и стало весьма так наглядной предтечей грядущей жесточайшей трагедии 20 века.

И уж до чего многие его нескончаемые беды по всей своей еще изначальной, исконной сути как раз и начались с тех самых блаженных, наделенных впрямь-то неземным разумом добрейших идеалистов, коим исключительно так никогда не был близок весь белый свет со всеми его до чего безмерно застарелыми болячками.

Зато сколь им всем было радостно и светло от того возвышенного сияния, что как то им казалось, само беспрестанно исходило от необъятно толстых фолиантов, созданных усердной слепотой самого различного рода теоретиков, всего-то что усердно корпевших в библиотеках над трудами древнейших философов, а также еще и своих собственных ближайших предшественников.

...и надо же, именно оттуда и изымали они блики своего блестяще-ярчайшего нового мира.

Дело то было бы в принципе более чем надлежащим и вполне безупречно естественным, если бы, конечно, никто вовсе так и не собирался бы сколь излишне скверно спешить, наскоро одевая в белый саван всю ту неспешно и насущно существующую современность того ныне исключительно бывшего 19-го, да и самого начала 20-го столетия.

А между тем тот сколь безоглядно ретроградно правящий порядок в каких-либо действительно резких и впрямь-таки долгожданных положительных улучшениях...

Нет, вряд ли, что он в том хоть сколько-то поболее нуждался, нежели чем некий тяжело-больной и вправду вот имел нужду в тех-то самых пресловутых белых тапочках.

Никакие идеалистические (не заземленные) принципы вовсе уж и близко совершенно не помогут переменить всю ту от века еще повседневно сложившуюся действительность хоть чуточку к чему-либо на деле более чем и впрямь весьма ведь значительно лучшему.

Все ярые зачинатели подобных, заранее во всем обреченных на неуспех общественных преобразований, либо попросту разом сгинут в сплошном бездейтельном популизме, либо, что явно окажется куда только похуже, будут они беспардонно всецело так отодвинуты далеко в сторону всеми теми яростными сторонниками захвата власти любой ценой и буквально под любым «благим» предлогом.

И кстати, следует уж еще заметить, что все эти витающие в облаках собственных благодушных мечтаний яростные доброжелатели всего рода людского были подобны всем тем доблестным прихлебателям из сущей когорты тех, кто всегда так были готовы с величайшей радостью поживиться за чужим столом, только на этот раз в чисто духовном смысле.

А кроме того, все те непрерывные и донельзя бурные дебаты о более чем несомненной, самой безотлагательной надобности совершенно незамедлительной перекройки всего того так или иначе существующего мироздания и создают наиболее великое множество всевозможных и всяческих сладострастно воспевающих насилие фанатиков.

Причем именно тех, которых более чем бесспорно разом уж всецело ослепило исключительно бесцельно суровое сияние исходящие от тех еще совершенно так несокрушимо бесценных, однако, при этом, до чего и впрямь неестественно обезличенных истин.

И то, в сущности, было безупречно ясно чьим – это именно оказалось бы во всем том дальнейшем вовсе-то никак не бездейтельным занятием именно так до самого уж конца беззаветно поверить всему тому неистово пустозвонному кликушеству.

И это как раз потому все эти вовсе никак не злокозненные, а прежде всего, исключительно бескорыстные разрушители старинного барского и холопского уклада и устремились разом, до чего решительно, но совершенно при этом бессмысленно распахать плугом идей всю ту необъятную целину ничуть с ходу никак не проходимого попросту, всесильного общечеловеческого невежества.

А чего это от них еще вообще можно было собственно ожидать?

Разве были они способны на разумный, читай раннехристианский подход в смысле терпимости, а также еще и благодушия к людям, что вовсе никак не осознают саму сущность всяческих запелляционных требований по весьма наглядному улучшению всей насущной действительности, а кроме того, никто из них совсем ведь не жаждет никаких (благих?) перемен...

Да только понять ли это...

Нет уж, на что-либо подобное представители современного агностического ума были вовсе так не способны, поскольку им было никак не видать за деревьями лесной опушки, где нет ничего, на чем еще можно было бы обосновать все те тезисы, которые сколь неизменно базировалось вовсе не знании, а прежде всего на воинственном всезнайстве.

И это именно этак: кое-кто все те довольно многозначительные выводы обо всем том буквально всеобщем грядущем и всеобъемлющем благополучии мира всенепременно-то сразу до чего только безоговорочно более чем вдумчиво собственно некогда и сделал.

Причем исключительно уж в меру своего чрезмерно зачитанного разума как есть, вот до чего только радостно выпестованного на совершенно вовсе-то никому не нужном книжно-философском хламе.

Он был ими с тем самым более чем и впрямь-таки безосновательно великим восторгом всегдашне уж смело заглатываем безо всяческих излишних логических рассуждений, как собственно оно и должно быть с любовью, да только настоящая любовь к истине всегда ведь настояна на сомнениях, а не на фанатическом самомнении...

Разумеется, что вовсе не все дореволюционные либералы были именно таковы, однако и другие, более взвешенные и здравомыслящие люди совершенно так никак не могли уразуметь, что простой народ попросту неспособен к умственному употреблению больших и неудобоваримых (безо всякого соответствующего образования) философских постулатов только-то во всем непреложно грядущего всенепременно более благостного бытия.

Им-то самим чего вообще было собственно надобно ото всей этой крайне вот для них, безусловно же, постной жизни?

Вот только бы значиться, им действительно удалось безо всяческих долгих, мучительных проволочек нынче-то наскоро просочиться сквозь все препоны и запоры в отныне нисколько вот не запертые перед самым их носом двери, да так, словно бы те еще были крепко-накрепко намертво прихвачены пудовыми запорами да и засовами в придачу!

И впрямь уж словно в замочную скважину, они ведь до чего только безудержно нагнетали весь этот свой догматический свет всех тех осатанело доморощенных, абстрактно-абсолютно вот ничем непобедимых истин.

А те, кто их сколь смело взяли на щит, были до чего только беспристрастно-беспринципными аскетами, горящими пламенем своей идеи в точности так, как конкистадоры некогда горели пламенем своего воинственно-пламенного понимания христианства, и суть их фанатизма имела одну и ту же, в сущности, природу, да еще и самый изначальный внутренний источник.

Они боролись за счастье всех и вся, идя путем убийств и разрушений, а этот путь неизменно ведет в одну только сплошную нескончаемую мглу всех тех еще разве что лишь явно грядущих времен.

Точно так же некогда отблески средневековых костров инквизиции разве что только беспрестанно отсвечивали тьму, весьма вот отчетливо царившую тогда в сердцах людских.

С той не столь уж, в сущности, древней эпохи ничего такого существенного в человеческом обществе и близко-то никак вовсе ведь нисколько не переменилось.

Наше всеобщее бытие – оно по всей своей сути довольно-таки весьма вот незыблемо и вечно.

Причем во всех своих заглавных принципах оно собственно так все то же, каковым оно было еще в древности, только лишь сознание стало шире, и окружающий нас мир оказался нынче куда менее необъятным, нежели чем он некогда представлялся нашим далеким предкам.

И люди вот нынче все те же, что и были некогда ранее, им, несомненно, свойственна полностью слепая вера, а уж в кого – это именно не столь оно, по сути, и важно.

Комиссары были сущим верхом беззастенчивой самодостаточной самоуверенности, когда они принимались печально говорить о горестях прошлого и более чем благих перспективах самого ближайшего будущего.

Причем в них-то самих все то наиболее собирательно темное как раз-таки безо всякой меры, безусловно, довольно-то весьма многозначительно и преобладало, а не только лишь в самой глубине их души до чего только осатанело всегдашне же ненароком присутствовало...

Еще ведь на этапе своего самого первичного теоретического обоснования большевистская идея была самым доподлинным образцом благодушного мудрствования, чрезвычайно же в своем конечном итоге чреватого до чего только и впрямь обильно и напрасно пролитой кро-

вью во имя всех тех никогда так и не наступивших светлых дней коммунистического грядущего.

Его существование было во всей ведь полноте зафиксировано в одних лишь ярчайших грезах безнадежно утопически настроенной интеллигенции, видевшей все свое настоящее в одних лишь черных, а будущее, вполне сообразно сему, в исключительно розовых оттенках.

Да и сколь бессмысленные ужимки того самого пресловутого более чем непорочного разума, которому попросту была явно во всем полностью чужда всякая же безнадежно убогая действительность, а во всем безупречно неистово дороги одни лишь бесплотные выводы, порожденные почти невидящими глазами, ненавидящими буквально всякую живую и трепещущую под руками плоть жизни.

Да и рьяные последователи данных совершенно так абстрагирующихся от всей навязшей им на зубах повседневной реальности философских течений отличались той еще крайней узостью мышления, как и весьма специфическими вкусами...

Им попросту была нужна исключительно во всем иная жизнь, они ее придумали и восхваляли, а неистово суровую смерть прошлого они буквально так всегда воспринимали, как самую естественную историческую прямую надобность.

Всем этим блудливым своим языком деятелям от века ведь были свойственны тайность, хитроумная аллегоричность, эзопов язык, сущая благосклонность ко всяким закулисным интригам.

Да только все это вовсе не было предвестником грядущих более светлых и благих дней, а скорее уж наоборот – являлось оно самым явным пережитком позднего средневековья, а потому и несли все эти «кровососущие словно слепни» идейки сущие черты сколь давнишней закрепощенности совершенно неистовствующего в своих оковах довольно-то праздного духа.

Люди, их проповедующие, попросту разом перешли из стародавнего холопства в холопство вовсе-то иное, исключительно ведь возвышенно идеалистическое.

Хотя вполне уж возможно что – это и не совсем оно так, поскольку некий внешний легкий налет заморских европейских свобод несколько явно затронул и ту стародавнюю от века же самодержавную российскую империю.

Однако все это было впрямь-то разом раздавлено в прах стопою солдафона Николая Первого.

Причем он ее не просто слепо раздавил, а именно вывел, как изводят клопов в старом диване.

Да и после него всякая полусвобода неизменно была еще затем чревата грядущим разве что лишь значительно более свирепым безнадежно тяжким рабством.

Сама вот собой внезапно появившаяся возможность некоей более чем явной отдушины, несомненно, вскоре вылилась в сущий антагонизм и отрицание всех прошлых религиозных идеалов, глупейшую попытку их скорейшей и безусловной замены чем-то земным, попросту же житейским и плотским, однако до чего при этом и вправду так безмерно радужным и сияющим.

В этих новомодных проявлениях мысли и духовности, несомненно, отпечаталось буквально все самое наихудшее, как весьма же скупое на всякий житейский ум наивное рыцарство, да так и темные злокозненные интриги.

Причем люди, придерживающиеся последнего, частенько добивались своих целей путем яростного взвинчивания и растравления слепых надежд людей куда более чем они во всем безупречно достойных.

Однако ведь и те исключительно так достойные тоже вовсе не были чисты в своих псевдогероических замашках и помыслах.

Ими двигал сиюминутный импульс, а потому всем вот им сколь неизменно желалось самым надлежащим образом исключительно так незамедлительно воплотить в серые

и безликие будни действительности все те «безоблачно призрачные», сплошь надуманные и нисколько-то ранее никак и немислимые изыски духа.

Уж именно то, что еще издревле брало свое истое «благое» начало именно от тех самых излишне оптимистичных, скороспелых надежд.

Им вот были до чего спешно приданы все свойства чудовищной химеры, попросту опьянившей народ, да и спаявшей из него некое единое месиво, в котором, кстати, буквально все были едины пред занесенным топором.

Ну, а также и извечной нищетой, еще и возведенной в квадрат абсолютной неприемлемости всякого, собственно так своего даже и самого невольного, вынужденного порицания.

Идеи благословенного добра стали своим абсолютным антиподом отнюдь не от своего извращения, а именно так от нисколько ведь самого себя никак не оправдывающего воинственного применения к жизни совершенно безжизненных постулатов несколько иного буквенно ирреального жития-бытия.

В нем все было сколь неизменно разложено по своим полочкам, и, главное, всему было явно предоставлено именно ведь свое вполне надежное место, да только жизненная практика не одной лишь логикой дышит, а потому всякая холодная логичность ее вот враз же более чем безнадежно удушает.

Так что все те «светлой души идеи» надо бы примерять ко всей окружающей действительности только лишь издали и чисто теоретически, да и то с крайней же великой осторожностью.

Да только уж это совершенно так не все хоть сколько-то вполне полноценно принимают собственно к сведению.

И кто – это значит их всеми силами и впрямь ведь до чего благодушно – толкал в чрезвычайно, как всегда, простодушные народные массы?

Да те уж самые рьяные кузнецы-молотобойцы, ревностные кураторы всеобщих благ в новоявленном на этот раз (по их вере) исключительно «чисто земном раю».

И это как раз именно ему и полагалось буквально-то полностью заменить никогда на деле вовсе не существовавший (кроме разве что в недрах богатого на всяческие пламенные иллюзии людского воображения) тот ведь самый сущий рай небесный.

И то в принципе практически всякому ведомо, чьих это именно рук делом и стало же претворение в жизнь планов по бесподобно быстрому устремлению в самую гущу прошлого патриархального бытия...

Поскольку было это сколь и впрямь бесподобно прямолинейно задумано, как раз чтобы раз и навсегда привнести туда свет свежих истин, так и обвисших бахромой совершенно ничтожных и бессмысленных слов.

Причем ясно, кому – то столь этак поспешно понадобилось до чего только наскоро влиться свежей струей в то самое умудренное веками всего своего существования безнадежно замшелое общество простолюдинов, нисколько доселе попросту и незнакомое со всякой довольно-таки давно лежалой книжной премудростью.

Ну, а осуществил кое-кто этакое «всеблагое дело» вовсе уж никак не иначе, а на том самом исключительно высоком прибое во всеуслышание заявленных, тем еще длиннющим носом унюханных сногсшибательных свобод и отныне никем более не возбраняемых прений.

И почему бы теперича, им было, собственно, не погалдеть о том самом своем и впрямь глубокомысленно важном, чему, несомненно, так в его конечную, логическую форму, быть может, и удастся еще прийти, да только никак не иначе, а в том самом до чего только еще ныне отдаленном грядущем.

Для того всенепременно еще потребуется сколь много долгих веков самой безусловной повседневной обкатки совершенно абстрактных идеалов на весьма грубой почве всегда вот неизменно неотесанного житейского быта.

А в наше сегодняшнее время наиболее насущный вопрос был заключен как раз-таки именно в том, а зачем это вообще было делать из всего этого некий замкнутый круг самих уж собой, безотчетно доказанных истин, будто бы и впрямь настойчиво требующих самого незамедлительного воплощения в суровые будни всей-то неизменно обыденной серой действительности?

Да только, чего это вообще могло хоть сколько-то еще остановить всех тех безвременно зарвавшихся от запаха свободы слишком-то безо всякого зазрения совести и впрямь «свистящих паром», неистово кипящих господ либералов?

Они уж попросту воспринимали данное им свыше «право» нести всевозможную несусветную околесицу, как одно то свое, более чем стоящее того достояние всего ведь того вовсе еще не народившегося на белый свет исключительно так «иног» рода людского.

По представлениям ярых блюстителей всеобщего и вселенского блага, его лишь разве что еще только предстояло создать при одной уж единственно помощи, тех-то самых блаженно-бумажных истин.

То есть, попросту вот увидели они во всех тех теоретически изуверски верно выверенных выкладках весьма уж небезосновательное обоснование для всех тех и впрямь-таки более чем совершенно незамедлительных общественных преобразований.

Ну, а своя собственная роль в их сколь долгожданно сладостном осуществлении им вполне однозначно представлялась именно в виде загодя им дарованного блага, до чего ясно выражающегося в славном преимуществе творить само по себе никак нерасторопное добро, обличая и бичуя старое, как сам этот мир зло, сущего же великого социального неравенства.

При этом явно они устремились куда-то

вперед и ввысь, однако со всей очевидностью можно о том сказать, что были они попросту чрезвычайно одержимы идеей, воссоздать ту самую стародавнюю природную мудрость, что была, по их мнению, всеми нами некогда более чем безответственно утрачена именно из-за бесконечно слащавых догматов истовой веры в загробную жизнь.

От их просвещенных наукой умов попросту повсюду так

засквозило леденящим холодком простецких логических абстракций, ну, а ярость благороднейшая их добрейшей души сама собой обнажила обоюдоострые мечи всегда ведь склонной к обильному кровопусканию самой вот между тем жесточайшей на свете, абстрактнейшей справедливости.

Той-то самой, что во все времена была слишком уж откровенно самооправдываемой всей-то ей еще изначально свойственной великой душевной простотой, более чем безупречно возникшей именно на основе полудетских дрем, в которых та до чего только совершенно очевидно же созерцала, словно бы в зеркале никогда, ведь так и не сбывшееся светлое завтра.

У этих горе-реформаторов воздуха в груди хватало на одно лишь сладкоречивое раздувание всевозможных и всяческих утопических грез, но отнюдь не на реальное улучшение безнадежно стесненного положения обездоленных, и по большей части, не иначе, как самими собой да и всем своим бесхитростным невежеством вполне уж до чего только закабаленных классов.

Эти благие доброжелатели всего сущего на этой земле, если чего тогда вообще и творили, так это разве что безостановочно изливали друг другу боль и скорбь о до чего весьма удручающе наглядной неполноценности всего-то нынешнего обустройства общественного бытия (для них в то время живших дореволюционных).

И вот еще что.

Они, сколь восторженно и обескураживающе сколь и впрямь-таки бурно при этом отмечая всяческие в том «неправые» сомнения, сколь ярко высказывались о самой крайней необходимости именно его-то наискорейшего переоформления в некий, куда более ему надлежащий облик и сущее подобие всего того, чего им ярко и красочно виделось в их радужных снах.

Да только до далеких звезд на небесах им было как-то вовсе нисколько не достать, однако, сколько бы его ни было под голубыми небесами... уж все, что ни есть под ними, они всенепременно еще вознамерились во что бы ни стало переиначить, придав ему некий абсолютно иной вид, суть и смысл.

И до чего неистово томились их горячие сердца в хмурые и унылые дни той ничем уж, кроме ярого окаянного насилия (как правило, в одну лишь худшую сторону), и близко-то никак вовсе неизменяемой повседневной обыденности.

Им уж лично и были осатанело потребны все те совершенно неизбежные, а все-таки по некой непонятной причине чрезвычайно запаздывающие, весьма между тем существенные перемены из сколь специфического разряда тех, что сами вскоре к нам всенепременно нагрянут, а тем, значит, и освежат они весь замшелый облик всего того стародавнего, патриархального общества.

Они этого и впрямь ожидали, словно народ иудейский в знойной пустыне манны небесной.

А их сколь извечно сонная эпоха вовсе ведь не дышала им даже в затылок, вконец запыхавшись, скача так вприпрыжку вслед за их убегающим куда-то в дальнюю даль до чего безмерно лучезарным самосозерцанием.

А уж, тем паче, куда было простым обывателям хоть чуточку, да поспеть за всем тем немисливо возвышенным, буквально-то всеобъемлющим и вездесущим их славным мировоззрением.

Они, надо бы то совсем ведь не мешкая сразу же сколь так отчетливо вымолвить, и вправду в самом доподлинном смысле более чем неизменно стремились к чему-либо бесконечно светлому и совершенно никак не безрадостному и, кстати, вполне действительно всецело во всем наилучшему... и, главное, совсем не иначе, как сразу для всех.

Да только уж, будучи именно в том сколь так закоренело убеждены, что этот-то светлый для всего их народа путь, безусловно, ведь пролегает по темному пути некогда сколь широкой рекой пролившейся крови, причем именно во имя более чем неизбежной во всем неминуемой смерти всех тех, кто мог еще помешать человечеству проделать его столь вот гигантский скачок в тот самый всеобщий наш великий завтрашний день.

Он был для них окутан туманом простых и радостных ожиданий, а обыденная и безыдейная жизнь была им попросту вовсе ведь безынтересна, раз никак не сияла она изнутри безмерным восторгом светлого конца всех тех прежних бед и несчастий для всего человечества в целом.

За редким исключением, разве что без карикатурно отображенных в специфической литературе злобных уродов и палачей.

И сколь наиболее яркими, а также и во всем безгранично последовательными в деле как раз-таки подобного, по-своему весьма довольно веского восприятия всей-то нас от века еще

окружающей действительности, и оказались в 19—20 столетии некоторые и впрямь вот изумительно блаженные духом граждане российской империи.

Жили-то они в стране с тем самым нисколько никак до конца еще не изжитым феодальным прошлым.

Однако при этом до чего и впрямь им сразу так безутешно захотелось в единый миг стремглав ринуться в мир бытия сколь от нас, пока еще безнадежно да и беспредельно далекого будущего.

Того вполне так возможно и впрямь изумительно светлого, а значит и истинно во всем немислимо праведного.

Тут сыграла свою роковую роль полнейшая оторванность от реалий тех людей, что живя в двух столицах империи, напрочь позабыли, что едва ли они нечто большее, нежели чем ничтожно малая часть от того необъятного этноса, в котором никак не отмерло еще почти то же, что и тысячелетие назад довольно мало (в закутках душ) изменившееся язычество.

И это вовсе не только крайне предвзятое мнение автора, вот чего пишет об этом великий человек – царский министр финансов Витте Сергей Юльевич;

«Царствование Николая Второго»

«У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения – в службы не Богу, а земным богам, всякое православие – в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий».

Разве оно не ясно – неграмотный человек, и близко сам не читавший ни единой страницы Евангелия, вряд ли что мог быть хоть во что-либо вообще на деле вдумчиво верующим, скорее уж быть ему считай что одним лишь глухим отзвуком на весьма этак скорую руку, совершенно бездумно заученных им молитв.

Вот почему официальная религия и являлась для большинства жителей той прежней России едва ли чем-либо действительно большим, нежели чем еще от века сложимся, всемирно попросту издревле давно официально признанным положением вещей.

Ну, а посему если внутрь их души свет церковных служб даже и проникал, то не слишком-то глубоко он в них тогда оседал.

К тому же церковные службы были занятием зачастую во всем безнадежно так обязательным, а между тем всякая обязаловка неизменно чревата довольно-то казенным отношением к делу и веры в Бога, она уж точно совершенно вот никому нисколько не прибавляет.

И именно подобного рода людям, толком еще никак не воспринявшим в душе светлое учение Христа, кое-кто из слишком воинственно настроенных либералов и впрямь от всей вот своей души возжелал всучить идею строительства общества принципиально иного, нового типа.

Того уж самого, что было до чего и впрямь более чем безукоризненно основано на принципах абсолютно пока еще некому неведомых, а не просто нисколько не достигаемых всякому элементарному логическому анализу, причем – это так даже и у человека во всем ведь всесторонне начитанного.

И кстати, могло ли вообще оказаться на всем белом свете, хоть чего-либо несоизмеримо худшее, нежели чем то самое и вправду донельзя прискорбное положение вещей, при котором всякие недруги и злопыхатели из весьма разношерстной породы тех, кто буквально на дух не переносят «ретроградов», сторонников старого, долгими веками сложившегося уклада...

И они, надо бы то до чего только упрямо признать, были уж бескрайне бездумно искренни в их пламенно неистовом (от всей их амбициозной глупости) более чем первостатейно несусветном желании весь этот мир сходу так враз сколь безудержно всецело переиначить.

По наивности своей, они и вправду более чем беспричинно думали, что всего этого можно будет добиться, срубив же под корень абсолютно всякое в нем угнетение, одних из нас некими, значит, другими.

И кстати, наиболее скверным в их поведении было именно то, что они на самом корню буквально начисто отрицали всякую свою духовную взаимосвязь с их неумытой, веками барским кнутом забитой родиной.

Поскольку где-то глубоко в душе они явно парили в некоем своем воображаемом мире сладостных и сколь окрыленно радужных ожиданий некоего более чем неминуемого грядущего счастья.

Легендарные (в советское время) либералы, наверное, ни сном ни духом еще и не ведали о той чудовищной цене, которую в последующем, грядущем веке явно придется заплатить и без того многострадальной России за всю их безлико, внешне верную, однако при этом безнадежно отягощенную всяческим излишним изяществом безнадежно «пересоленную» и «переперченную» словесность.

А она меж тем, хотя и впрямь являлась чем-то до чего только донельзя умопомрачительным в ее чисто внешней, исключительно наружной, неистово одухотворенной западными ветрами сути...

однако же внутри себя это восторженно утопическое мироощущение совершенно неизменно таило сущий пожар разгоряченных сердец (опять-таки от полнейшего отсутствия действительно светлой головы).

Она несла в своем чреве тот ведь самый смертоносный заряд, коим извечно-то всегда были напичканы (начинены) мозги всех тех, еще тогдашних крамольников Раскольниковых.

А начинены они были той-то самой до чего уж изощренной жестокостью ко всему тому сколь родному и давно этак, кстати, вконец им навеки обрядшему.

Причем это вовсе не пустые и праздные слова, следствие одного лишь крайне недалекого ума, – вот оно то, что пишет об этом великий Лев Толстой в его бессмертном романе «Анна Каренина»:

«Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало»

А ведь и вправду самым всеблагим задушевным настроением всех этих людей всенепременно же стала именно та европейская целесообразность, смертельным ядом всей своей ненависти попросту до чего только бездумно косившая несчастных аборигенов далеких земель, однако в самой-то, как она есть, просвещенной Европе ее применять было доселе ведь несколько совершенно не принято.

Но зато там, на неведомых дорожках, где еще вовсе толком не укрепились все естественные нормы европейской цивилизации, да и весьма изрядно затасканной исключительно внешне изящной культуры, абсолютно уж все было дозволено всем тем несущим ее мишурный и призрачный свет.

Правда, жизнь несколько не безбрежна в ее тайных желаниях и намерениях, а свято место пусто не бывает, так что если некий примитивный уклад жизни и уступает дорогу чему-то более очаровывающе идейному, то надо бы еще поглядеть, а не сулит ли – это горе, страдания и смерть для сколь многих простых людей?

Причем вовсе не для всех она станет ПРОСТОЙ И ОБЫДЕННО БИОЛОГИЧЕСКОЙ, зато для сколь обезличенно многих она явно затем еще окажется кончиной духовной и будет – это так именно вследствие «имплантации в уме и сердце народа» совершенно уж чуждых ему пришлых идеалов.

И именно это само так собою всегдашне проистекает от всякой «великой» идеи революционно общественного переустройства.

Да и вообще от таких благодушных веяний столь и впрямь безмерно разило холодком безбрежного океана ледящей логической правоты безо всяких признаков доброго человеческого сердца.

А кроме того, революция еще изначально задумывалась как раз для тех мест, где пролетариат был довольно развит, чтобы и вправду более чем ответственно иметь теоретически верную возможность проникнуться духом идеи, а не всего-то что взять да славить до чего быстро тающую на губах сахарную вату пресловутой несбыточно светлой мечты.

И кстати, сама по себе идея была сколь весьма омерзительно догматичной, да и окрылялась она одной лишь кабинетной фантазией академика от опричных наук Карла Маркса, который украл все свои блестящие кораллы из мифов и снов излишне так порою либеральничавшей левой интеллигенции.

Мысль Маркса, как и понятно, вьется вьюнком вокруг древа всеобщих наработок социологии его времени, но главные ее координаты – это как раз тот еще деспотизм на гребне совершенно ведь пустой фантазии о некоем земном рае после более чем явного вполне полноценного уничтожения всецело же мнимых цепей.

«Демосфен новых времен» язвил, как он только мог, дабы людям самим забрать себе все то, чего не дал им Бог!

Либералы «светлейших идей» просвещенного радикализма были и впрямь-то в сущем щенячьем восторге как от него самого, да так и оттого совершенно безрассудного переиначивания всех общечеловеческих ценностей в его псевдоинтеллектуальных потугах привнести в экономику вящие философские постулаты.

Маркс, он ведь в этом вопросе неизменно во всем походил на всех тех, в своих утонченных думах живущих очень вот даже далече от всей той корыстной и эгоистичной братии, попросту бездумно жующих свой хлеб повседневности, безусловно-то, несомненно, самых же полнейших невежд.

Чересчур либерально настроенные радикалы, по всей на то видимости, попросту ведь захотели раз и навсегда околдовать жизнь чарами своих безмерно величественных, возвышенных словопрений.

А смерть классов и вакханалию всеобщего дикого насилия они вполне уж однозначно восприняли, словно бы то была более чем и впрямь неизбежная плата за тот исключительно во всем всеобъемлющий, самых что ни на есть гигантских масштабов духовный прогресс.

И как это, собственно иначе может выйти у тех людей, что нисколько не ведают никакого искреннего и глубокого чувства сострадания, причем ни сердцем и ни душой буквально ко всякому человеческому существу только за то, что оно, точно как и они, тоже передвигается на двух ногах.

Этот общечеловеческий двигательный аппарат их никак так никогда не волновал, раз для них обыкновенный человек неизменно олицетворял собой особый вид социального животного, одиноко и бесцельно бредущего вслед за всеми своими обыденно отягощающими ему душу благостями и горестями.

Облегчить его страдания, дать ему свет и мысль (разумеется, что единую) и было стародавней «светлой мечтой» всех тех, кто попросту погряз в безучастно осатанелом «грызении всяческих философских абстрактов».

Ну, а потому слишком так он далеко отошел от всякой вконец ведь в самой себе закоренелой, кое-кому безнадежно опостылевшей, до чего только во всем неизменно унылой повседневности.

А кроме того, в те действительно наипоследние два-три века до чего и впрямь так много поразвелось всех-то, значиться тех, кто вовсе напросто же впрямь горою стоит за яростное продвижение вперед, вовсе так, значит, совсем не глядя, а чего и что это там вообще собственно находится под теми самыми сколь необъятно большими колесами.

У них теперь, понимаешь ли, все вполне однозначно да и безапелляционно полновластно решал один лишь тот сколь вот непогрешимо безгрешный математический расчет, что был донельзя же всемогущ в его сверхъестественной власти над всяческим реальным житием-бытием.

Ну, а отдельные люди в смете «усовершенствования всеобщего нынешнего мироздания», как некие отдельные самостоятельно мыслящие индивидуумы вовсе-то, уж никак собственно, и не значились.

Ведь нет их (в качестве отдельных разумных существ) на всем белом свете...

Вот чего пишет об этом Федор Михайлович Достоевский в его великой книге «Преступление и наказание»:

«...Началось с воззрения социалистов. Известно воззрение: преступление есть протест против ненормальности социального устройства – и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается, – и ничего!..

– Вот и соврал! – крикнул Порфирий Петрович. Он видимо оживлялся и поминутно смеялся, смотря на Разумихина, чем еще более поджигал его.

– Н-ничего не допускается! – с жаром перебил Разумихин, – не вру!.. Я тебе книжки ихние покажу: все у них потому, что «среда заела», – и ничего больше! Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается! У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится, наконец, в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его же праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: «безобразия одни в ней да глупости» – и все одною только глупостью объясняется! Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо живой души! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, – зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется! И выходит в результате, что все на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели!

Фаланстера-то и готова, да натура-то у вас для фаланстеры еще не готова, жизни хочет, жизненного процесса еще не завершила, рано на кладбище! С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и все на один вопрос о комфорте свести! Самое легкое разрешение задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное – думать не надо! Вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается!»

И эта та самая буквально все на свете бесспорно и бесслезно умертвляющая целесообразность и есть то самое всесильное порождение западноевропейской цивилизации, а все-таки во всей своей полноте применение данного глобального мировоззрения имело место разве что в одних лишь ее колониальных владениях.

Однако Россия – чем уж она не колония, только и надо было ее до чего только бескомпромиссно яростно расчленить на всевозможные самые отдельные ее составляющие части, ну, а затем почему бы и не колонизировать?

Вот он тому самый яркий пример, изысканный автором посреди слов, сказанных весьма уж ярким идеалистом из числа наиболее отчаянных декабристов...

Святослав Рыбас, «Похищение генерала Кутепова»:

«Николай Трубецкой, словно заглядывая в наше „демократическое“ время, написал: „Будущая Россия – колониальная страна, подобная Индии, Марокко или Египту“. Правда, тут же добавил: „Азиатская ориентация становится единственно возможной для настоящего русского националиста“».

А ведь и впрямь все те до чего строго сверкавшие очечками своих пенсне немецкие инженеры, что довольно-таки многие русские железные дороги еще в том позапрошлом веке сколь весьма деятельно понастроили...

Уж дело ясное, что своим интеллектуальным потом их-то при помощи всей той исключительно местной рабочей силы сооружая, они, небось, как пить дать, еще до чего благонаравно заглядывались на широчайшие российские просторы именно как на свою в некоем последующем времени, безусловно-то, более чем непременно так грядущую германскую вотчину.

Эти планы нисколько так не у всех их имелись, и лишь у некоторых из европейских правителей они и вправду могли вызвать в душе действительно более чем значимый отклик.

Да, и если он вообще и был, то вовсе ведь не надо полагать, что было в нем чего-то вполне так до самого конца полностью во всем определенное.

И совсем вот не надо бы думать, что буквально все в этом мире неизменно идет к чему-то, известное дело заранее, предрешенному.

Слишком многое в политическом мире довольно часто сменяющихся игроков и сила их влияния все время, безусловно, разом меняется, чтобы и впрямь можно было до чего только смело заговорить о некой доподлинно долговременной и, кстати, более чем реальной единой продолжительной последовательности.

Ну, а что уж касаясь пресловутого еврейского заговора, то тут и говорить собственно нечего...

Всегда вот и среди политиков подчас попадают свои дураки-неудачники, ну, а тупым особям рода людского нисколько так самих себя буквально-то ни в чем было без слез и сурового тыканья пальцем в кого-либо иного вовсе уж никак нисколько не обвинить.

И надо бы вместо того вовсе-то на деле совершенно не существовавшего еврейского заговора всенепременно узреть тот суеверный страх пред ужасающе быстро разрастающейся Российской империей, а также еще и твердое нежелание всех иных «настоящих» европейских держав действительно уж предоставить ей, совершенно новый для нее геополитический статус по окончании Первой Мировой Войны.

И этак-то оно было попросту ведь заранее во всем более чем подробно оговорено промеж чопорных западных европейцев.

Сущий развал Российской империи произошел именно как раз по воле двуличного и коварного Запада или точнее никак не скажешь, а был он им до чего щедро заранее профинансирован и словесно обильно во всем до чего только всесильно поддержан.

Однако вовсе тут не было ничего столь еще изначально осатанело зловредного, а всего-то навсего Россию попросту захотели (подобно Африке) расчленить на несколько маленьких царств, каждому из которых затем должно было сколь беспрестанно находиться под самым неотъемлемым и неусыпным оком одного из западноевропейских государств.

Климат в России тот же, что и во всей Европе, никаких тебе лихорадок и сам ведь мозг выедающей жары.

Надо бы учесть, что кондиционеров в самом начале 20-го столетия еще уж не было даже в помине!

Ну а во времена Второй мировой войны речь сколь, несомненно, пошла именно о почти вот полнейшем тотальном уничтожении абсолютного большинства россиян, чтобы затем обязательно еще заселить Россию всяческими западноевропейскими (или недобровольно) восточноевропейскими колонистами.

Однако вовсе тут не было за всем этим некой таинственной руки, попросту дергающей всех политиков за какие-то совершенно никому не видимые никакому глазу ниточки.

А имели место те самые боязливые опасения, всецело базирующиеся на грядущем сценарии развития событий, при котором не далее чем завтра в России до чего спешно сменится правительство и место царя займет радикально настроенный блок ярых националистов, что смело поведет российских солдат на вовсе не столь хорошо укрепленные бастионы западноевропейской культуры.

При этом надо бы еще и явно учесть и всю ту весьма существенную разницу между достаточно изнеженным цивилизацией европейским солдатом и ею пока никак и близко не избалованным солдатом российским.

Атомного оружия тогда еще попросту не было, и никто тогда и не мог того ведь заранее предсказать, что вскоре оно всенепременно будет произведено на свет чрезмерно порою более чем и впрямь так излишне уж всемогущим человеческим интеллектом.

Так что тут сам собой наглядно проглядывает сущий факт того, что старушке Европе было отчего в начале 20-го столетия сколь мелко подрагивать при одном упоминании о том великом властелине, что неизменно располагался на востоке от ее довольно часто и обильно помеченной российской кровью из века в век раздираемой войнами территории.

Да только все те долгоиграющие имперские планы всегда уж были более чем естественно до чего только крайне во всем донельзя неопределенными...

Европейские правители вовсе не были всегда вот разом только за что-то разве что и впрямь извечно одно!

Да и сами российские либералы тоже совсем этак не всегда вполне уж до конца осознанно ведали, чего это им самим от всей этой жизни было вот значит, собственно, надобно.

То ли полнейшей свободы или во всем безгрешной жизни безо всякой русской волюнки, да и всегдашней безыдейной скуки.

Бездумное подражательство Западу или полнейшее отрицание всех его безнадежно утопических ценностей буквально рвало страну на куски, причем почище самых грязных и алчных планов каких-либо неведомых сил, что этак (для кое-кого совершенно определенно) и крутят свое кино за спинами всех тех имеющихся в этом мире политических элит.

Да еще, между тем, им это, оказывается, попросту вообще вот попросту свойственно делать во всякое время, да и во всяком-то месте.

И уж в России, дело ясное, в первую значится очередь...

А между тем русский народ очень долго, хотя и совершенно бессознательно, рвался к великим благам общественных свобод, но его попросту никто не возглавил, поскольку этого никак не позволила повседневно существовавшая сумятица и разобщенность, причем не только сугубо внешняя, но в том числе зачастую и в душах отдельных людей...

...а уж она-то попросту никак не оставляла ни малейшей возможности действительно настоящего могучего лидерства.

Да и Достоевский, тоже вот, зачастую яростно метался промеж двух огней, как между средневековой российской дикостью, да точно так, несомненно, доводилось ему обретаться и близ сколь весьма утонченной всеми своими своекорыстными помыслами сущей целесообразностью новых времен.

Его многолетняя скитальческая жизнь с семьей за границей...

Он смешал все это в некое единое и впрямь-таки до чего только донельзя исключительно неразделимое целое, и вот ведь именно этот вящий сумбур и был, собственно, прозван людьми «достоевщиной».

А между тем та довольно зыбкая почва, на которую некогда в сущем бессилии упали свежие семена светлых помыслов Федора Михайловича Достоевского была, столь уж беспробудно проникнута вековой тьмой, а потому и представляла она из себя тот еще омут с до чего и впрямь весело копошащимися в нем бестиями-чертями.

Да и Чехов пусть и не злонамеренно, но тоже вот некогда обронил некое зерно во всем, безусловно, весьма так сомнительной истины, которое между тем затем и проросло, и нашло ведь оно свое место в виде колосьев на гербе того самого новоявленного рабовладельческого государства.

Русские классики общемировой литературы породили на свет слишком уж много мишурного света безмерно так слащаво благих идей.

Причем надо бы с ходу и впрямь-таки непременно заметить, что все эти их словесные излияния, сколь обильно и яростно порицающие буквально-то всеобщую и всеобъемлющую безыдейность того уж самого еще дореволюционного бытия, его сущую аморфность и скуку, всенепременно издавали бесподобно пряный дух безусловно и впрямь-таки вскоре грядущей близкой свободы.

Да только явно они оказались весьма насущной предтечей века, в коем сколь ведь всегдашне неизменно преобладало самое вовсе-то неперменное отсутствие фактически всяческого гнета общественно проявленной совести, а также еще и стали те новые времена более чем действительно значимым оплотом беспредельно яростного фанатизма.

Причем вполне так тому определенным началом да и более чем весомым нравственным обоснованием, несомненно, послужили именно те совершенно несбыточной красоты мечтания, что неизменно отрывают от естественной почвы довольно значительный пласт всей той думающей интеллигенции.

И уж тогда под вскрывшейся «почвой обыденности» действительно начинают шевелиться всевозможные подземные черви, весьма активно при подобного рода для них довольно-таки благоприятных условиях спешно выползающие оттуда на белый свет.

Ну, а потом лучи дневного светила станут и впрямь-то безнадежно еще затмеваться яростным сверканием в грозных очах, и вот тогда уж днем с огнем окажется ведь попросту нисколько невозможно найти себе хотя бы одного действительно здравомыслящего человека.

Причем простых людей при таких делах вполне же запросто можно будет заставить более чем безупречно разом поверить даже и в то, что солнце неизменно восходит на западе, ну а заходит оно, как и понятно вовсе так не иначе тогда на востоке.

И это именно так, собственно, попросту ведь исходя из того, что святая простота доверчивости ко всем тем, кто несет всевозможнейшую чудовищную ахинею, становится самой

незыблемой аксиомой всеобъемлющего, можно так сказать и впрямь каждодневного восприятия всей-то нас неописуемо зловредно нынче обступающей, осатанело революционной действительности.

Народ, он ведь бежит вовсе не за правдой, а за краюхой хлеба, которую ему можно в принципе только лишь весьма мастерски красиво более чем ответственно наобещать в том самом освященном светом истины, сладком, как сон, грядущем.

Ну, а интеллигенция может исключительно искренне радоваться все-таки наконец-то вернувшемуся относительному внешнему порядку, а кроме того, явно ведь самыми спешными темпами строится то самое социалистическое общество, о котором столь долго исподволь всем им столь давно и радостно мечталось.

Лапша с ушей только лишь в мирное и спокойное время этак-то довольно быстро оседает, а во время бурное и совершенно беспокойное она с них слазит медленно и крайне болезненно.

Народ и интеллигенция, варясь в одном котле колоссального социального потрясения всех тех ранее когда-либо существовавших основ, полностью ведь одинаково безрадостно выживают и видят кошмарные сны, целиком состоящие из новоявленных революционных явей.

И уж представляли они из себя вполне естественное следствие того-то самого бешеного энтузиазма после всех тех пережитых страшных невзгод, а также еще и довольно малого наличия грамотных людей из своих, то есть именно тех, кому и вправду доверять во всем действительно можно.

Ну, а те «великограмотные правители», видать, сколь же, несомненно, более чем и вправду до чего только вполне ответственно знают, чего это именно, они вообще, собственно, делают, раз столь властно, они всеми теми беспрекословными (к их самому незамедлительному исполнению) распоряжениями совершенно вот всегдашние бесцеремонно беспрестанно разбрасываются.

В принципе, природа этого явления, безусловно, так была заключена также и в столь беспрецедентно насильственном отмирании всей той прежней, нынче же напрочь отринутой веры, как и самой явной необходимости поиска, ей вполне достойной замены, куда только поболее во всем соответствующей духу данной новой эпохи.

Причем зародилось все это вовсе не в России, а в той самой крайне исключительно так агностически настроенной Западной Европе, ну а оттуда затем с попутным-то ветром все это, в конце концов, явно донеслось и до весьма далекого российского берега.

Великие русские классики 19-го столетия явно уж захотели приблизить интеллигенцию к своему народу, а потому и приложили они все старания, дабы через созданную ими перемычку в средневековое российское общество и полилось широчайшей рекой самое суровое безверие буквально ни во что, хоть сколько-то ранее истинно святое.

Европа им довольно-то быстро переболела, ну а Россия посредством всего этого недуга и заразилась же самой ужаснейшей «общественной чахоткой».

Более чем наглядной тому первопричиной послужило как раз-таки именно то, что европейская цивилизация с самого начала своего существования искусственно ступшевывала и упраздняла многие прежние (дикие) представления обо всем этом мире, бессердечно обезличивая отдельного человека, ставя во главу угла прежде всего его чрезмерно возвышенные жизненные приоритеты и идеалы.

Причем при всем своем донельзя наглядном перерождении религиозный фанатизм, став фанатизмом высокоидейным, только-то и всего, что присовокупил в потемках душ своих адептов сколь безмерное множество свежих сил для самого безнадежного преумножения сущего

прежнего мракобесия в его-то разве что вновь же вполне полновластно обновленном виде и форме.

Еще вот так называемый просвещенный 19-й век столь безнадежно во всем породил абсолютное безверие в высшие силы, наделив человеческий разум вовсе-то изначально ему нисколько не свойственной самой уж безупречной непогрешимостью.

Причем все это вполне так однозначно произошло именно из-за самого безотчетного самовозвышения культуры на некий «Эверест», где лишь избранным и было дано... попросту и впрямь предоставлялось никем и нечем неоспоримое право безвозмездно (в силу одних лишь свойств возвышенной души) употреблять ее сколь так и впрямь живительный кислород.

А чего ведь тогда всем тем остальным простым смертным?

Ну так им для полнейшего счастья только и надо было... значит, одно на всех общее корыто, ну, а кроме того и весьма простенькое массовое искусство.

Потребовалось довольно-то длительное время да и самый конкретный и совершенно зримый пример, дабы духовная элита и власть предрежащие, безусловно-то, вполне доподлинно поняли, что как следует его не наполнив, они сколь многим при этом до чего только явно рискуют.

Однако для принципиально так вполне достоверного понимания данного факта их еще надобно было буквально до самых же чертиков раз и навсегда напугать.

Да только, как то полностью вот вполне наглядно видится автору этих строк, для вполне этак более чем стоящей полноценности эффекта до чего только еще непременно хватило бы и очень даже многих относительно мирных забастовок.

Так, что вовсе не было в том до чего и впрямь бескрайне суровой необходимости в том самом до чего безнадежно уродливом создании некоего великого псевдосоциалистического монстра.

Причем теоретическая база для всего его жития-бытия была именно ведь еще первоначально создана как раз-таки теми-то самыми широкими кругами общественной мысли, и лишь затем только была она узурпирована малой группкой псевдосоциалистических монстров во главе с Ильичом.

И это уж именно те, кто сколь

всенепременно желают все народное добро по-своему безо всякого остатка разом перераспределить, лучше всего, затем и поделят все ими на скорую руку безжалостно, скрупулезно награбленное...

И никто ведь из них это снова вот теперь всенепременно чье-то всецело личное добро в то самое более чем эфемерное абстрактное народное пользование совершенно не отдаст – вовсе не та это людская порода.

Да этого точно у них никак при всем желании никак не отнимешь!

Зато про всякие и впрямь-то неизменно легко достижимые общественные блага они до чего только мужественно и стойко и вправду ведь умеют языком своим безо всяких же костей попросту безостановочно молоть.

Да вот, однако, нисколько ведь не преумножать их при помощи каких-либо своих действительно стоящих того интеллектуальных усилий.

Однако при этом самое насущное моральное обоснование для абсолютно любых своих насильственных действий у всей этой разношерстной шушеры неизменно зиждилось на безапелляционном пыле восторженной, и порою излишне принципиально воинственно либеральничающей интеллигенции.

Она несколько так действенно и вдумчиво вовсе-то не сопротивлялась всей той революционной этике именно в силу своих собственных крайне так обличительно речитативно безжалостных убеждений.

В них попросту полностью всецело преобладала правда книжных истин, беспредельно, однако, между тем весьма далеких от обыденных реалий быта совершенно так почти повсеместно невежественного народа.

Он ведь не был способен проснуться, раз уж он никогда и не спал, а только лишь жил он тем, чем он жил, а спала и дифирамбы себе под нос в сладком сне пела именно восторженная интеллигенция, и этот-то ее сон и обернулся для всего народа вековым кошмаром осатанелого идеологического маразма.

И все это предстало именно в подобном виде только лишь разве что потому, что по представлениям ревностно революционно настроенных демагогов, богатство неизменно находится в руках сильных, что только лишь то и делают, что до чего беззастенчиво и беспрестанно угнетают всех слабых и немощных.

Ну, а из этого следует, что у них его и впрямь-то полагалось с ходу отобрать, дабы максимально вот промеж всех сирых и обиженных на скорую руку разом перераспределить.

Понимания того, что эдаким путем только лишь всецело растравливаются кровожадные стадные инстинкты, у тех благодушных дореволюционных доброхотов попросту не было даже в помине...

Они хотели добра и только добра, а уж всеми силами достичь его они сколь бесцеремонно намеривались, именно измазав массы в безудержно всеобильной крови всех их давнишних и кровных да вот еще и более того... вековых угнетателей.

Ох уж это немыслимо цепкое до всяческих мелких фактиков лицемерие, до чего только незыблемо заключавшееся в самом бездумном братании с идеалами, выношенными на щите еще теми кое-кем до чего идиллически воспетыми историческими личностями, а именно Робеспьером, а еще и ранее тем же Кромвелем.

И это именно оно и сослужило России самую ужасную службу, собственно и оказавшись одним из тех наиболее важных факторов, превративших ее в некий новый Египет, хотя она всегда сколь искренне жила светлой мечтой являть собой лик Третьего Рима, то есть попросту быть более чем во всем естественным продолжением Византии.

Это ее явное перерождение проистекало, собственно говоря, только оттого крайне так неприятельного обстоятельства, что людей вполне вот всерьез возжелали возглавить, взнуздать и отправить по тому крайне нужному кому-то навеки вечные безупречно «правильному» пути.

Ясное дело, что подобная безоглядно и безапелляционно идейная тенденция ничего хорошего... кроме разве что чего-то беспредельно плохого, в самой себе несколько так вовсе уж не несла...

Вот бы и впрямь-то понять всем тем горе-воякам со всяким великим общественным злом, всю несусветную разницу между добром всецело отлаженным и подогнанным к действительности и его полнейшим антиподом, наилучшим из всех орудий Сатаны ВЕЛИКОЙ ЛЮТОСТИ благом, сплошь наштигованным лихостью и ухарством, а главное, еще и предначертанном всем, безостановочно, насильственно, сразу.

А между тем писатели гуманисты, такие, например, как Сергей Довлатов всегда уж стремятся донести до нашего сведения на страницах своих книг искрящуюся собственным светом мысль о том, что в принципе-то совсем невозможно как следует, обустроить все наше житей-

ское бытие на крайне зыбкой основе излишне всецело прекраснодушных, аморфно праведных логических доктрин.

На чистой от буквально всяческой житейской грязи бумаге они, может, и вправду выглядят весьма заманчиво, но жизнь – это река, а вовсе не костер и уж тем более не доменная печь.

Так что, чем ближе оно отныне еще окажется к тому самому сверкающему в ночи искрами очистительному огню, тем только подалее оно, в конце концов, собственно, будет от всех тех вполне вот, кстати, естественных норм общественной жизни.

Прекрасные идеалы хороши разве что как далекие маяки в том самом исключительно одиночном, а никак не в том насильственно наскоро предпринятом общественном «заплыве» по совершенно безбрежному морю нашего буквально-то всеобщего (пока еще) невежества.

Ну, а когда уж их путем бездушных логических умозаключений, изошренно и искусственно приближают к безмерно суровой обыденной реальности, они ведь сколь неизменно нас еще приведут к одним лишь и только рифам всеобщей житейской разрухи.

Поскольку безнадежно утяжеляющие ходьбу по слякоти повседневных невзгод вериги идеалистически идейно верного восприятия жизни, безусловно-то, более чем явно утянут нас за собой во всепоглощающую бездну безумного, несусветно осатанелого зла.

Причем, самой несомненной и неотъемлемой первоосновой всех такого рода весьма вот сомнительных общественных начинаний всегда неизбежно являются именно ведь подобного рода до чего и впрямь бесполье порывы чьих-то безудержно благонравственных душ, что попросту, совершенно беззастенчиво, стремятся пошатнуть все те прежние издревле устоявшиеся основы всей-то еще от века существующей вселенной.

Однако – это уж один разве что высокий ум (безо всяких вкраплений в его внутренней самой сокровенной сути весьма ведь неприглядных черт донельзя самовлюбленного эгоизма) и будет вполне еще способен ниспослать всему этому миру то самое сколь безвременное великое всеобщее благоденствие.

Правда, подобным образом все это будет только лишь в том единственном случае, если уж он действительно окажется, полностью основан на принципах, полнейшего ведь, значит, осознания всех недюжих сил всесторонне развитого интеллекта, а не только горячего, и зачастую совершенно бессмысленно безрассудного сердца.

Именно этаким разве что (коллективный) разум, собственно, и создаст еще не одну же ни с чем, что было ранее вовсе-то несопоставимую разруху, и прежде всего именно в головах.

Да нет, он-то и создаст то самое, куда исключительно более справедливое общество, использовав весь имеющейся задушевный энтузиазм в его наиболее разумном ключе, а именно в смысле вящего сострадания ко всякому ближнему своему.

При этом крайне важно вполне осознавать отчего – это именно все его страдания, собственно, и берут свое начало, причем и тогда нисколько не рубить с плеча обрубая канаты, от века, связывающие общественную жизнь со всем тем и вправду же надежным причалом, на котором явно зиждется всякая законность и справедливость.

Причем всю бессердечную несправедливость совершенно неправого общественного мироустройства полностью так извести сможет одно лишь всестороннее просвещение, и именно поэтому его столь неистово опасались буквально-то все вездесущие мракобесы той ведь самой, давно уж ныне, как бы это, ни было печально, бывшей Российской империи.

Что до тех чрезвычайно мгновенных и молниеносных перемен, то все вот те адски жаркие, словно же угли глаза всех тех, чьи сердца были целиком и полностью разом изъедены пламенем бесовской революции...

Нет, уж то далее были вовсе ведь никак не настоящие люди, а только лишь черные тени былых людей.

Все то, что они сотворили со своею страной, и близко так не имело никакого, собственно, вообще вот отношения к каким-либо более чем явно новообретенным житейским свободам, а только-то к самому безусловному закабалению граждан извечно опричной державы, разве что еще дополнительными, тяжелейшими оковами безукоризненно деконструктивной идеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.